

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-207-213
УДК 821.16.1

Научная статья

Воображаемое путешествие в утопический антимир (на примере «Сказания о роскошном житии и веселии»)

Е.А. Андреева

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25А

Аннотация. «Сказание о роскошном житии и веселии» – поздний памятник древнерусской литературы, содержащий в себе отсылки к европейским источникам (в том числе к польской и древнеримской литературе). Демократическая литература XVII века предлагала читателю познакомиться с иными героями и сюжетами: человек, не отличающийся добродетелями, становится главным героем повествования, в котором речь идет о пребывании в удивительной стране роскоши и веселия и пути в эту страну. С особым тщанием автор рисует возможную и желаемую жизнь бражника и лентяя в утопическом мире, однако предупреждает о цене пребывания в столь удивительном месте. Пародируя известный в Древней Руси жанр хождения, в котором паломник обогащался духовно, писатель рассказывает о новом типе путешествия, обесценивающего и обезличивающего человека, лишаящего возможности развития. Отсутствие прямых назидательных и дидактических отступлений тем не менее не лишает текст глубины: герою предоставляется возможность выбора, и он сам вправе решать, как себя вести и какой путь избрать.

Ключевые слова: демократическая литература, сатира, ирония, гипербола, путешествие, утопический антимир

Введение

Демократизация литературы XVII века привела к тому, что ее героем стал обычный, ничем не примечательный человек, часто наделенный не добродетелями, а пороками: пьянством, обжорством, сквернословием. Ирония и сатира становятся основными приемами организации текста и способами создания образов. Прежде так желаемый Рай – царство Христово – заменяется сниженным раем обжор и пьяниц, бездельников и весельчаков, наполненным материальными благами, служащими для удовлетворения потребностей. Однако достигнуть его не так-то просто.

Если Рай небесный достигался путем восхождения по «лестнице добродетелей», совершением подвига во имя окружающих и ближних, богоугодными делами, соблюдением заповедей, искренним покаянием, то новый, приземленный рай является образом утопическим, не существующим ни в мире

дольнем, но в мире горнем. В таком антимире «нарочито подчеркивается его нереальность, непредставимость, нелогичность» [1. С. 17].

Обсуждение

«Сказание о роскошном житии и веселии» открывается сказочным зачином: «Не в коем государстве добры и честны дворянин вновь пожалован поместицом малым» [2. С. 221]. Топографическая неточность в сочетании со сказочной формулой сразу же дает возможность говорить о нереальном пространстве, несуществующем локусе. Несоответствие проявляет себя и в образной системе: почему-то добрый и честный дворянин был пожалован «поместицом малым». Очевидно, что его заслуги невелики, раз в награду за свои качества он получает небольшое вознаграждение. Обращает на себя внимание и авторское уточнение «вновь», которое дает понять, что ситуация эта повторяется неоднократно.

Хоть «поместицо» и было названо малым, уже со следующей фразы читатель погружается в мир нескончаемых богатств. Гиперболизация образов становится ведущим приемом при описании достоинств пребывания в указанном месте: здесь «изобилны травы», «всякого плодного масличья – зело много, и толико премного и плодовиито», «в садех и дубровах птиц преисполнено», «кояков и карбусов неисчетныя тьме тысящи», «и иных рыб – много», «преукрашенных столов множество», «усланы постели многия».

Автор выстраивает очень точное, логичное повествование, нацеленное на приближение к заветному образу идеального мира, который не нужно заслуживать конкретными поступками или действиями: достаточно жить в свое удовольствие и предаваться наслаждениям. При этом сначала указываются те блага, которые дарует человеку жизнь в утопическом пространстве, а затем – путь в это место.

Вещь в перевернутом антиутопическом мире значимее человека, неживое преобладает над живым. Алогизм, абсурд, пародия становятся частью рая обжор, пьяниц, лентяев. Пародируя известный с XII века жанр хождений, автор создает свое произведение, которое, в отличие от образцов жанра, изначально целью достижения представляет несуществующее место. В то время как целью паломника, путешественника по святым местам, было поклонение святыням христианского мира, путешественник в «Сказании о роскошном житии и веселии» преследует цель обрести земные наслаждения, воплощенные в вещных, материальных, осязаемых образах, несмотря на их гиперболизацию. Герой хождений, избирая конкретный путь, был точен и конкретен в описании встречающегося на его пути, он стремился рассказать тем, кто, возможно, не сможет оказаться в этих местах, как живут люди, как выглядят святыни, как совершаются богослужения. Топографический или хронологический принцип, положенный в основу композиции жанра хождения, точно соблюдался древнерусским книжником, а паломничество и описание совершенного становились духовным трудом.

«Сказание о роскошном житии и веселии», хоть и не содержит в заглавии отсылки к жанру хождения, все-таки является пародией на него. Слово «сказание» в данной ситуации не несет на себе жанровой нагрузки, так как

служит лишь наименованием для текста, речь в котором идет не о реальных исторических событиях, упомянутое «житие» также употреблено в значении «жизнь» (не духовная жизнь, но физическое существование).

Желающий обрести рай на земле должен не просто увидеть яркие пейзажи, но получить пользу от природы. Уже в первом описательном отрывке говорится об изобилии рыб в водах, о землях «доброплодных», дающих хороший урожай. Упоминаются те культуры, которые могут дать плоды: «Там по полям пажити видети скоропитательных пшениц и жит различных; изобилны по лугам травы зеленыя <...> по лесам древес – кедров, кипарисов, виноградов, яблонь и груш, и вишень, и всякого плодного масличья...» [2. С. 221]. Автора не смущает, что все произрастает само по себе и рука человеческая не принимает никакого участия в возделывании земель и сборе урожая. Более того, в лесах, с его точки зрения, соседствуют южные культуры, такие как маслины и виноград, и садовые плодовые деревья – яблони, груши, вишни. Нарушая логику, автор не прямо, но через подбор образов с первых же строк говорит о земле, существование которой в реальности невозможно. К тому же в утопическом мире «само древесие человеческому нраву самохотне служит, преклоняя свои вершины и розвевая свои ветви, пресладкия свои плоды объявляя» [2. С. 221]. Природа служит человеку, удовлетворяет его потребности, а ему остается лишь открывать рот и наслаждаться.

Изобилие ягод и фруктов может быстро наскучить и перестать радовать глаз и желудок, поэтому далее автор рассказывает о птицах, услаждающих слух тех, кто достигнет этого уголка, или становящихся пищей. Среди птиц перечислены как не существующие в реальности (сирин), так и живущие в определенной местности (попугаи, струфокамилы – страусы). При этом все они от мала до велика «на голос кличущему человеку прилетают, на двор и в дома, и в окна, и в двери приходят», то есть приручены человеком. Человек же может выбирать и решать, «какая птица годна», а получив желаемое, «ту себе, избрав, взмет, а остаточных прочь отгоняет» [2. С. 221].

В утопической стороне неисчерпаемые запасы рыбы: «И толико достаточно, яко сами под дворы великими стадами подходят, и тамошние господари, из домов не исходя, но из дверей и из окон и руками, и удами, и снастями, и баграми ловят» [2. С. 222]. Гиперболизированный образ ловли рыбы сродни сказочному мотиву, описывающему ситуацию, когда сама пища идет в руки человеку. Однако здесь же заметны переключки с античной римской литературой, хорошо известной в VII веке (например, у Плиния Младшего: «Здесь (можно) самому рыбачить и забрасывать удочку из спальни и чуть ли даже не с постели, как из лодочки» [2. С. 459].

Следующая гипербола, разрастающаяся до алогизма, связана с повествованием о скоте и зверях, служащих человеку. Перечисляя животных и птиц, автор не делит их на домашних и диких, но сообщает, что они необходимы для одной цели – одевать «плоть человеческую во время ветров». Но в удивительной стране, по словам автора, «не бывает снегов, не знают дождя, грозы не видеть, и что зима – отнюдь не слышать» [2. С. 222]. Поэтому все теплые одежды людям ни к чему, они бесполезны.

Нелогичность повествования, отсутствие прямых мотивировок показывают призрачность мира, создаваемого в «Сказании»: в одном месте собрано

все, что входит в понимание о богатой, роскошной и веселой жизни. Материальная обеспеченность может быть достигнута в том случае, когда процветает торговля, поэтому в тексте подробно перечислены все виды судов, которые прибывают с дорогими товарами в порты, а купцы могут торговать беспошлинно. Называя дорогие материалы, виды драгоценных камней, автор продолжает поражать читателей обилием и разнообразием описываемого.

Однако все представленные перечисления являются лишь необходимым вступлением для основной части, в которой воссоздается далеко не идиллический образ земного рая пьяниц и обжор: на столах, накрытых скатертями-самобранками, яства появляются сами, и запас их не истощается. Рассказывая о всей снеди, автор прибегает к часто используемому в XVII веке приему ритмизации прозы: «ложки и плошки», «и курята и утята, кокоши и чирята». Легкость, веселость создаются не только описательными, но и интонационными приемами. Но любое изобилие вызывает, кроме радости, еще и отторжение, что и «глядеть не хочется».

Мечта бражника – получать все необходимое, не прикладывая никаких усилий, и именно в этом мире герой получает то, о чем мечтал, живя в привычной для себя обстановке: «Да там же есть озеро недобре велико, исполнено вина двойнова. И кто хочет, испивай, не бойся, хотя вдруг по две чаши. Да тут же близко пруд меду. И тут всяк пришед хотя ковшем или ставцом, припадкою или горстью, бог в помощь, напивайся» [2. С. 222–223]. Но пьяница и лодырь, оказывается, мечтает не только о той стране, где можно есть и пить без меры, но и о такой, в которой его не станут за это осуждать.

Морализаторская, дидактическая литература прошлого всегда учила ограничивать себя во всем, уделить первостепенное внимание душе, а не телу, ставить духовные потребности выше потребностей желудка. Герою нового времени нужно получить подтверждение не только возможности, но и обоснованности своего поведения: он говорит о своем сознательном выборе, который «никто не оговорит, ни слова молвит» [2. С. 223]. Вопрос о безнаказанности подобного поведения, признания такой возможности в обществе волнует героя «Сказания» по-настоящему, поэтому эту мысль он утверждает дважды: второй раз после слов о возможности не трудиться, получать все без усилий в утопической стране. Очевидно, что продолжается борьба с традицией, утверждающей необходимость осуждения лени и тунеядства, стремящейся исправить лентяя.

Но в чудесной стране труду противопоставлены радость и веселие, танцы и игры. В этом, по словам рассказчика, заключается «покой» – не тишина, но отдых от работы, которую мечтающий о развлечениях не привык выполнять.

Перечислив все «достоинства» места, могущего стать раем пьяниц, лентяев, не заботящихся о душе, а думающих лишь о желудке и веселии, автор предлагает путь в это чудесное место. Данная часть становится одновременно и кульминацией, и развязкой повествования.

В «Сказании о роскошном житии и веселии» указывается якобы прямой путь в чудесный мир, перечисляются реальные топографические координаты. Автор называет известные каждому человеку локусы: «от Кракова до Арша-

вы и на Мозовшу, а оттуда на Ригу и Ливлянд, оттуда на Киев и на Подолеск, оттуда на Стеколию и на Корелу, оттуда на Юрьев и до Брести, оттуда на Быхову и в Чернигов, в Переяславль и в Черкасской, в Чигирии и Кафимской». При этом путь остается неясен: «Путь-небылица петляет по Малой и Великой Польше, по Швеции и Лифляндии, по многим украинским городам, по Литве и т. д., но не заходит в Великую Россию», – пишет А.М. Панченко [3. С. 319]. Упоминание польских городов и наличие в тексте полонизмов дало исследователям возможность увидеть польские корни текста, его переводной характер: «Именно Малая Польша и ее столица Краков – средоточие польской смеховой культуры» [3. С. 320].

Путешествие, начинающееся в Польше, может довести путника до Дуная, далее путь обрывается. Заимствуя основной элемент жанра хождения и перечисляя топографические координаты, автор не сообщает никаких хронологических координат, не дает описаний конкретной местности, через которую нужно пройти до райского уголка. Дунай превращается в границу между мирами, реальным и утопическим, преодолеть ее физически, казалось бы, возможно, но исходя из текста произведения – нельзя: «А кого перевезет Дунай, тот домой не думай!» [2. С. 224]. Даже эти слова звучат двусмысленно: то ли переправиться не получится, так как этого места не существует, то ли попавший в заветное место уже не сможет его покинуть. А если так, то на земле ли это место находится? «Это путь, который похож на лабиринт и оканчивается ничем» [1. С. 23]. Прямой, на первый взгляд, путь не ведет никуда еще и потому, что попасть в утопическое пространство можно лишь заплатив пошлину: «з дуги по лошади, с шапки по человеку и со всего обозу по людям» [2. С. 224]. Очередной алогизм, нарушение привычной логики: только у лошади можно взять дугу, у человека – шапку, у людей – обоз, а не наоборот.

Заключение

Итак, видим подтверждение ранее изложенной мысли, что в утопическом антимире правит вещь, она становится центром внимания, берет на себя функции живого, одушевляется. И как результат этого процесса – человек теряет свое достоинство, нравственность, душу. Получается, что человек овеществляется, поэтому Дунай – граница живого и неживого миров, мира человека и мира вещи. Для человека эта «небольшая пошлина» становится очень серьезной и большой платой: за пребывание в земном мире нужно расплатиться душой. Поэтому земной рай превращается в пространство, где человек теряет свои высокие нравственные ценности.

И как бы оптимистично, на первый взгляд, не звучала последняя фраза «Сказания»: «А там кто побывает, и тот таких роскошей век свой не забывает» [2. С. 224], – она лишает надежды на жизнь вечную, предлагает взамен ей сиюминутные радости и наслаждения, которые заканчиваются со смертью человека.

Не всякое путешествие обогащает, дарит новые впечатления, приобщает к культуре других стран и народов, помогает в развитии отношений представителей разных стран и конфессий. Путешествие в утопический антимир, описанное в «Сказании о роскошном житии и веселии», становится лишь кажу-

щимся обретением, ведь обретение материального благополучия сиюминутно и временно, а потеря нравственных ориентиров – обнищание души – ситуация, в которой почти не остается надежды на исправление. С другой стороны, это путь в неизвестность, и каждый человек имеет право его совершить, тогда он лично несет ответственность за результат. Автор «Сказания» не морализаторствует, не увещевает, он дает возможность каждому осознать, нужно ли совершать подобное путешествие или лучше от него все же воздержаться.

Список литературы

- [1] Лихачев Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с.
- [2] Сказание о роскошном житии и веселии // Сатира XI–XVII веков / сост., вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, В.А. Грихина. М.: Советская Россия, 1986. С. 221–224, 458–459.
- [3] Панченко А.М. Материалы по древнерусской поэзии. IV (Стихотворная параллель к «Сказанию о роскошном житии и веселии») // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. 30. С. 318–323.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 марта 2020 г.

Дата принятия к печати: 25 марта 2020 г.

Для цитирования:

Андреева Е.А. Воображаемое путешествие в утопический антимир (на примере «Сказания о роскошном житии и веселии») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 207–213. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-207-213>

Сведения об авторе:

Андреева Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8829-3084>. E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-207-213

Research article

An imaginary journey to an utopian anti-world (on the example of “The Tale of Luxurious Life and Fun”)

Ekaterina A. Andreeva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
25A Povarskaya St, Moscow, 121069, Russian Federation

Abstract. “The Tale of a Luxurious Life and Fun” is a late composition of Old Russian literature, it includes some references to European sources (including Polish and Ancient Roman literature). Democratic literature of the 17th century offered the readers to get acquainted with other characters and plots: a person who is not distinguished by virtues becomes the main

character of the story, which deals with staying in an amazing country of luxury and fun and the way to this country. With special care, the author draws a possible and desirable life of a hawk and a lazy person in a utopian world, but warns about the cost of staying in such an amazing place. Parodying the genre of walking known in Old Russia, in which the pilgrim was enriched spiritually, the writer tells about a new type of travel that devalues and depersonalizes a person, deprives him of the possibility of development. The absence of direct edifying and didactic digressions, however, does not deprive the text of depth: the hero is given the opportunity to choose, and he has the right to decide how to behave and which path to choose.

Keywords: democratic literature, satire, irony, hyperbole, travel, utopian anti-world

References

- [1] Likhachev, D.S., & Panchenko, A.M. (1976). *Smekhovoi mir Drevnei Rusi* [*The laughing world of Old Russia*]. Leningrad, Nauka Publ.
- [2] Skazanie o roskoshnom zhitii i veselii [The legend of a luxurious life and fun]. (1986). In V.K. Bylinin, V.A. Grikhin (Eds.), *Satira XI–XVII vekov* [*Satire of the 11th–17th centuries*] (pp. 221–224, 458–459). Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ.
- [3] Panchenko, A.M. (1976). Materialy po drevnerusskoi poezii. IV (Stikhotvornaya parallel' k "Skazaniyu o roskoshnom zhitii i veselii") [Materials on the Old Russian poetry. IV (Poetic parallel to "The Legend of a Luxurious Life and Fun")]. *Trudu otdela drevnerusskoi literatury (TODRL)* [*Researches of the Department of Old Russian literature*] (vol. 30, pp. 318–323). Leningrad, Nauka Publ.

Article history:

Received: 10 March 2020

Revised: 12 March 2020

Accepted: 25 March 2020

For citation:

Andreeva, E.A. (2020). An imaginary journey to an utopian anti-world (on the example of "The Tale of Luxurious Life and Fun"). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 207–213. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-207-213>

Bio note:

Ekaterina A. Andreeva, Ph.D., senior researcher of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8829-3084>. E-mail: aaa46aaa@yandex.ru